

они давали ему совѣты и указанія, клонившіяся къ упроченію въ его умѣ мнѣнія о себѣ, какъ о призванномъ охранителѣ христіанства, и о поддержкѣ церкви. Эти люди высказывали, что думали: изъ двухъ вождей христіанскаго міра, дѣйствительно, имъ могъ казаться болѣе надежнымъ въ эту эпоху могущественный германскій государь, нежели безпрерывно смѣнявшіеся на престолѣ св. Петра папы, попадавшіе на свое мѣсто, благодаря интригамъ римскихъ городскихъ партій. Отъ императора такіе люди, какъ Ниль или Ромуальдъ, могли ожидать и вышней защиты христіанской Европы отъ язычниковъ и магометанъ, и попытокъ расчлененія внутреннихъ язвъ церкви. Но къ вліянію этихъ людей примѣшивалось все болѣе и болѣе возраставшее вліяніе Герберта: этотъ ученый царедворецъ осмыслялъ императора такими—по тогдашнему изомривными, а съ вышней точки зрѣнія—аляповатыми комплиментами, которые не могли не нравиться даже избалованному юношѣ: Гербертъ не стѣснялся приравнивать своего семнадцатилѣтняго ученика къ Аристотелю. Что-же касалось до другихъ, до окружающихъ его, стоявшихъ головою выше Герберта въ умственномъ отношеніи, то они уже, дѣйствительно, вполне чистосердечно могли называть его, какъ передаютъ лѣтописцы, „чудомъ міра“⁴. Эта атмосфера всеобщаго поклоненія и удивленія сдѣлала то, что впечатлительный и самолюбивый юноша, фантазеръ, и теоретикъ, счелъ себя призваннымъ советовать пѣчто великое. Онъ съ жаднымъ интересомъ, интересомъ подражателя къ образцу, относился къ памяти Карла Великаго, и во время одного изъ своихъ безумныхъ метаній по Европѣ велѣлъ даже извлечь на свѣтъ трупъ Карла, чтобы посмотреть на франкскаго героя. Неизвѣстно, въ какія реальныя формы облуклось-бы это желаніе совершить подвигъ, если-бы императору суждено было прожить дольше: исторія знаетъ только его упорныя и капризныя стремленія возстановить до мелочей, до послѣднихъ потребностей старый бытъ римскихъ императоровъ времени Константина. Забросивши совершенно всѣ дѣла по управленію Германіей, стыдясь своего отчасти нѣмецкаго происхожденія, гордясь итальянскою-бабею и гречанкою матерью, Оттонъ всѣ помпозныя годы своего царствованія посвящалъ исключительно итальянскимъ, вѣрнѣе, римскимъ дѣламъ. Не смотря на свой мистичизмъ, онъ смѣ-